

УДК 94(47).048
ГРНТИ 03.23.31
DOI: 10.15393/j14.art.2018.111

Проскуракова Мария Евгеньевна

Санкт-Петербургский институт истории (дом Н. П. Лихачева) Российской Академии Наук,
научный сотрудник,
кандидат исторических наук
197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7.

Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII века)¹

Аннотация. В статье проанализировано взаимодействие представителей органов государственной власти и крестьянского сообщества при избрании старост в Олонецком уезде последней четверти XVII века. Главной задачей исследования стало выявление тех обстоятельств, когда олонецкие воеводы оказывали открытое давление на местных жителей с тем, чтобы смена земских глав состоялась в установленные сроки и в соответствии с принятым порядком. Такого рода понуждение к выборам было предопределено расширением власти и функций государства. Представители царской власти взаимодействовали через старост со всем крестьянским сообществом, осуществляя сбор податей и суд. Другим аспектом исследования стало установление числа участников волостных выборных сходов и анализ активности жителей отдельных поселений на протяжении двух выборных кампаний. Исследование проведено на основании актов, восходящих к архиву Олонецкой воеводской избы, которая являлась средоточием всего местного управления на протяжении второй половины XVII века. Среди привлеченных к исследованию делопроизводственных документов находятся наказные памяти олонецких воевод и акты, получившие в приказном делопроизводстве наименование *выборы*. Данные актов об избрании крестьян сопоставлены со сведениями из переписной книги 1678 г.

Ключевые слова: Русский Север; Олонецкий уезд; XVII век; социальная история; институты государственной власти; земское самоуправление; старосты; крестьянское сообщество; выборы

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Академии Финляндии «The Integration of the Karelian Periphery in European Society» No. 14997.

Введение

Феномен сосуществования институтов государственной власти и институтов земского самоуправления в регионах, которые в российской историографии принято объединять термином Русский Север [20: 11—13], был впервые описан в научной литературе ещё в начале XIX века. М. М. Богословский, чьему перу принадлежит классическая работа по истории крестьянского самоуправления, раскрыл те кардинальные изменения, что произошли с выборными органами власти в середине XVI века. Складываясь на протяжении столетий внутри крестьянского мира, они претерпели значительную трансформацию в эпоху правления Ивана Грозного, искавшего новые формы управления на местах. По мнению современного историка Е. Н. Швейковской, автора серии статей о феномене земского самоуправления [23; 24; 25; 26; 27], с конца XV века «государственная власть целенаправленно действовала в области создания центрального и местного аппарата единого государства, используя имевшиеся управленческие структуры, конструктивно совершенствуя их звенья и вводя новые элементы» [27: 130]. Одной из таких структур, «возникших органически снизу» и задействованных государем «всей Руси», стали земские органы, которые в середине 1550-х гг. оказались вписаны в систему государственного управления [20: 245—246]. Подводя итог изменениям, М. М. Богословский подчеркивал то обстоятельство, что трансформация выборных институтов привела к передаче им тех функций, которые ранее выполняли правительственные агенты. Историк писал: «Земские выборные должны были заведовать сбором казенных податей, отправлением правосудия и полицейских обязанностей» [20: 247]. И если раньше выборные власти действовали в интересах крестьянского мира, то царские грамоты XVI века предопределили исполнение ими обязанностей проправительственного характера [20: 246].

События эпохи Смуты нарушили установившийся при Иване Грозном порядок широкого привлечения выборных властей к гражданскому администрированию. Тем не менее реорганизация местного управления, начатая Михаилом Романовым с 1613 г., включала не только повсеместное введение в уездах должности воеводы с административными, судебно-полицейскими и финансовыми полномочиями, но и сохранение «действенного самоуправления» на Русском Севере [27: 139]. По наблюдениям Е. Н. Швейковской, решения правительства создали «симбиоз двух управленческих звеньев», которые имели совершенно разное происхождение и характер, а также обладали разным объемом полномочий [27: 142]. При этом как учреждения государственной власти, так и органы земского самоуправления оказались ответственными за один и тот же круг обязанностей — подати и суд.

По-видимому, наделение выборных институтов полномочиями государственных агентов являлось необходимым условием для взаимодействия с локальными общинами. Земские власти стали тем связующим элементом между государственными органами и крестьянским миром, без которого коммуникация казалась невозможной в период становления управленческих структур. Тем не менее до настоящего времени остаются неясными многие аспекты взаимной деятельности государственных и выборных агентов. Так, глубокого изучения требует вопрос о повседневной коммуникации между представителями власти царя в регионе и лицами, уполномоченными обеспечивать интересы крестьянского сообщества. Принимая во внимание то обстоятельство, что во власти региональных глав доминировали фискальные функции, отношения между сторонами (воеводами и органами самоуправления) потенциально могли иметь конфликтный характер. Однако заключение о том, происходила ли конфронтация между ними в действительности, можно сделать лишь на основании детальной проработки документальных материалов эпохи. Другой задачей исследования институтов земского самоуправления является определение степени вовлеченности представителей крестьянских сообществ в процесс избрания старост. В этой связи одним из наиболее интересных для

изучения видится установление числа участников выборных сходов от каждого населённого пункта, их социального статуса, а также их активности при принятии решений.

В рамках настоящего исследования в центре внимания находится избрание крестьянских старост в Олонецком уезде в годы совместного царствования Иоанна V и Петра I. При этом одной из центральных задач исследования стала реконструкция процедуры смены земских глав и определение роли государственной администрации в организации выборов. В этой части работы основной акцент сделан на изучении тех действий, которые предпринимали агенты царской власти для проведения выборов в назначенный срок и исполнения всех формальностей этой процедуры. В связи с тем, что для воеводы и приданного ему в помощь бюрократического аппарата смена земских глав являлась одной из самых проблемных сфер во взаимоотношениях с локальным сообществом из-за нечёткого выполнения старостами и волостными жителями обязательств, в статье также поставлен вопрос о заинтересованности крестьян в самом институте старост в реалиях второй половины XVII века. С этой целью в исследовании предпринята попытка проанализировать состав участников волостных выборных сходов и через сопоставление с данными кадастра (переписной книги) выяснить насколько широк был круг лиц, привлекавшихся к избранию новых старост, и насколько активно местные жители участвовали в деятельности таких сходов на протяжении нескольких лет.

Источники и методы

Исследование выполнено на основании документов канцелярии олонецких воевод, которые отложились в собрании актов и рукописей Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН Ф. 98 «Олонецкая воеводская изба»). Материалы приказного делопроизводства представлены 12 тысячами составов за 1649—1702 гг. Отдельный комплекс составляют документы об избрании старост в погостах и волостях. Среди актов, посвящённых проблеме смены земских властей, находятся наказные памяти, *выборы*, поручные записи и челобитные. В целом в составе архивного фонда Олонецкой избы только за 1664—1686 гг. сохранилось 350 актов, исследование которых в будущем позволит всесторонне раскрыть феномен сосуществования государственных и земских органов власти в регионе.

Выборы, или иначе — акты об избрании, составляют примерно половину из отобранных материалов. В *выборах* документировалось избрание старосты крестьянской общиной и закреплялись отношения между всеми жителями волости, с одной стороны, и лицом, избранным на должность старосты, с другой, а также фиксировались обязательства сторон в отношении друг друга и перед государством [20: 301—302; 23: 254—267]. *Выборы* составлялись в волостях и погостах представителями местной общины (чаще других эту задачу выполняли земские и церковные дьячки), затем они передавались старостам. В дальнейшем акты предъявлялись в приказной избе и оставались там на хранение. Таким образом, *выборы* откладывались в архиве воеводской избы и составляли документальные комплексы, содержащие информацию о замещении выборных должностей в регионе на протяжении десятилетий.

Наказные памяти о выборах, составленные от имени воеводы и дьяка, включали распоряжение о необходимости провести волостной сход и избрать человека на должность старосты. В них также могло содержаться повеление, адресованное к земским главам, о прибытии в город Олонец с тем, чтобы явиться в приказную избе. Нередко воевода требовал от жителей волости подтвердить готовность старосты к исполнению обязанностей через оформление поручных записей с фиксацией ответственности поручителей в случае нарушения старостой данных при избрании обещаний. Поручные записи обычно передавались *начальным людям* — подьячим приказной избы, стрелецким сотникам или стрельцам, прибывшим в погост для организации выборов и контроля за их проведением. Жалобы

и просьбы крестьян, например, просьба о подтверждении воеводой избрания прежнего старосты на новый срок, должны были фиксироваться в челобитных. Особенностью подобных документов является многочисленность лиц, от имени которых они составлялись.

Помимо актового материала в исследовании использованы данные из «Переписной книги Заонежских погостов Олонецкого уезда переписи стольника Ивана Аничкова» 1678 г. [14]. В документе, согласно принятому при подворной переписи формуляру, перечислены жители каждого крестьянского и бобыльского двора, отмечена степень родства с дворовладельцем (например, зять, племянник, пасынок), указано социальное положение (например, подсоседник, захребетник), обозначен возраст недорослей [21: 117]. Сопоставление имен жителей Заонежских погостов с именами участников крестьянских сходов открывает исключительную возможность для исследования действовавших в регионе порядков участия в выборе земских глав и вовлеченности представителей локального сообщества в дело смены выборных властей.

Перипетии избрания старост в Кижском погосте в 1682 г.

Несмотря на уникальный характер комплекса сохранившихся документов из Олонецкой воеводской избы, есть лишь несколько случаев, когда источники раскрывают все этапы введения нового человека в должность старосты. Обыкновенно процедура смены старосты открывалась изданием воеводой наказной памяти на имя действовавшего старосты с повелением собрать жителей на сход и определить человека, который будет исполнять обязанности старосты в течение следующего года. После его избрания составлялся акт, содержащий имена крестьян, *давших выбор*, а также обязанности обеих сторон: старосты и избирателей. Данный документ вручался старосте с тем, чтобы он мог предъявить его в приказной избе, явившись в Олонец. Обязательство старосты прибыть в уездный центр и встретиться с агентами государственной власти фиксировалось в поручной записи, которая одновременно становилась гарантией того, что в случае неявки старосты по собственной воле он будет насильно доставлен в приказную избу людьми, поручившимися за него. Предъявление старостой выборного акта и получение взамен него *наказов* о порядке сбора податей и проведении суда завершали процедуру смены главы земской власти.

Выборы старост, проходившие осенью 1682 г. в одном из самых крупных по числу дворов погостов — Кижском, относятся к тем немногим случаям, когда о каждом из описанных этапов сохранились документальные свидетельства. Согласно существовавшим правилам, старосты должны были начать исполнение своих обязанностей 1 сентября, то есть с начала нового года. Следовательно, наказные памяти, инициировавшие проведение выборов, должны были быть разосланы по центрам погостов примерно в середине лета. Память, открывшая процедуру смены земских властей в 1682 г. в Заонежских погостах, в том числе Кижском, датируется 11 июля [10: 147]. Акт был составлен на имя местных старост, которых олонецкие воеводы Василий Матвеевич Заборовский и стольник Еремей Васильевич Заборовский назвали ответственными за организацию выборов и избрание достойных людей: «А велено им, старостам, в погостех и в выставках коемуждо в своих старошених собрать лутчих, и середних, и молотчих всех мирских людей и велеть им при себе выбрать в старосты ко 191-му году людей добрых, душою прямых и животами пожиточных¹, не воров, и не бражников, и не ябедников, и не горланов, и не миропродавцов, которые в прошлых годех в старостах не бывали <...>» [10: 147]. Главы региональной власти также ожи-

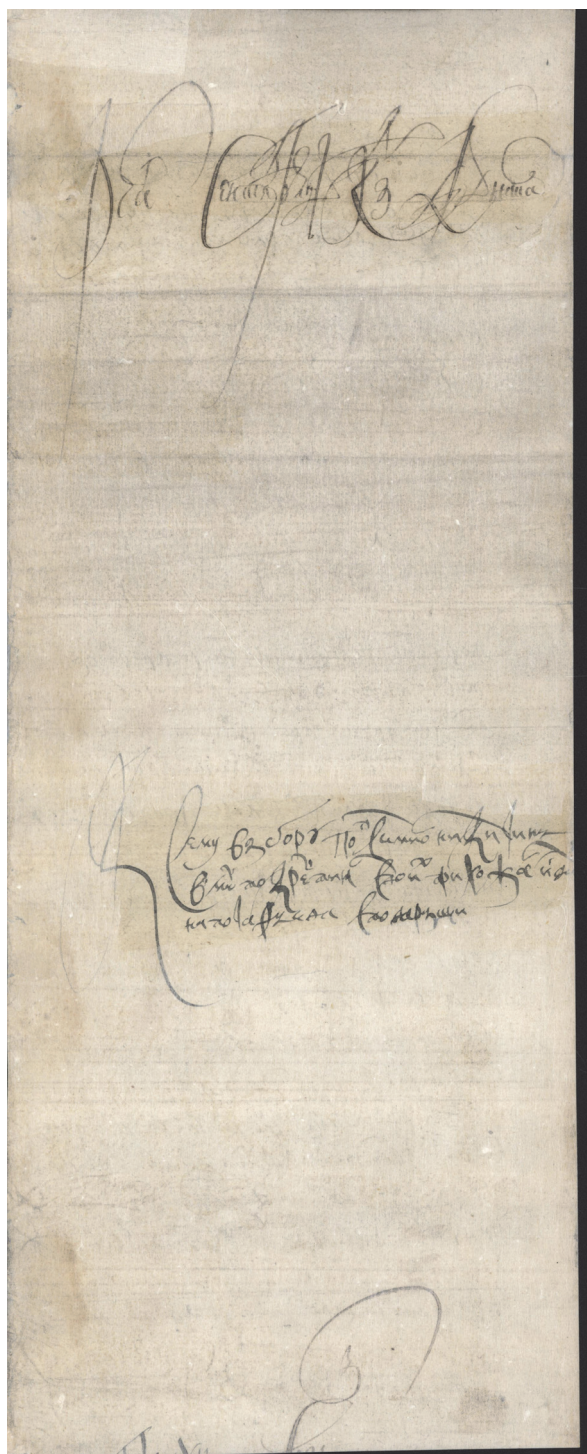
¹ Здесь и далее в тексте документов употребляется формула «животами пожиточных», «животом пожиточных». В выборных актах Устьянских волостей и Устюжского уезда, опубликованных М. М. Богословским, использован иной вариант: «животом прожиточных» (См.: Богословский М. М. Земское самоуправление ... Т. I. Приложение V. №1, 2). Этот же вариант иногда встречается в олонецких актах.

дали, что новые старосты придут в Олонец для предъявления выборных актов до 1 августа 1682 г. [10: 148]. Однако их требования оказались не выполненными. Никто из избранных лиц не явился в город в указанный срок.

Ответом олонецких властей стало изменение прежних условий проведения выборов. В наказной памяти, составленной 22 сентября 1682 г. и отосланной на имя подьячего приказной избы Михайлы Потапова, он был назван тем, на кого возлагалась обязанность по созыву местных жителей на волостные сходы и избранию старост [10: 149—150]. Подьячий получил наказ ехать в Кижский погост, обнародовать распоряжения воевод и добиться их исполнения. Он же стал ответственным за прибытие избранных лиц в Олонец и даже должен был сопровождать их во время поездки в город. М. Потапов покинул Олонец вместе со стрельцами, видимо, обеспечивавшими его личную безопасность [10: 152]. Представляется, что ко

времени прибытия подьячего выборы в Кижском погосте уже состоялись. Во всех пяти актах об избрании, отложившихся в фонде воеводской избы, даты проведения сходов относятся к периоду с середины августа до 1 сентября [1; 3; 4; 5; 6]. Но воеводы не могли знать об этом, не получив подтверждающих документов в назначенный срок. По-видимому, старосты сами выбирали время для прибытия в город и игнорировали повеления властей.

Из документов 1682—1683 гг., в первую очередь из поручных записей, оформлявшихся за избранных лиц, известно, что старостами Кижского погоста стали семь человек [9]. Но лишь в отношении одного из них — Михея Родионова, старосты Кижского конца, можно заключить с полной уверенностью, что он прибыл в Олонец и предъявил данный ему *выбор* до конца сентября. Согласно помете, имеющейся на оборотной стороне поданного им выборного акта, это случилось 27 сентября [4: 12 об.]. Еще двое старост — Антип Иванов и Архип Андреев, судя по всему, должны были появиться в городе в октябре 1682 г. Пометы на их *выборах* не содержат дат, однако они написаны той же рукой, что и помета на выборном акте старосты М. Родионова, и должны принадлежать дьяку Сидору Скворцову [3: 40 об.; 6: 16 об.]. Окончание исполнения им обязанностей дьяка в Олонце принято датировать 23 октября 1682 г. [19: 142]. Более поздние документы, в которых он упоминается как дьяк олонецкой избы, пока не выявлены [22: 108]. В то же время установлено,

Выбор крестьянина Кижского конца Кижского погоста Михея Родионова в старосты на 1682/1683 г. крестьянами того же конца [4: 12 об.]

что первые акты, зафиксировавшие занятие этой должности Алексеем Мисковым, относятся к первым числам декабря 1682 г. [13; 16; 17]. Следовательно, в течение сентября — октября 1682 г. трое из семи избранных старост доставили документы, удостоверявшие их права, в олонецкую воеводскую канцелярию.

Все прочие волостные главы игнорировали повеления местных властей. Поэтому воеводам пришлось повторить свои распоряжения в третий раз. Теперь обеспечить явку избранных лиц в Олонец должен был стрелецкий сотник Иван Германов. 10 ноября 1682 г. он получил приказ ехать в Кижский погост и призвать старост выполнить все формальности [18]. Но единственное, чего сотник смог достичь в ходе этой поездки, стало получение записей с ручательством в том, что старосты сами придут в город. Никто из них не последовал за И. Германовым, видимо, отложив поездку до наступления зимы и установления санного пути. Очередные выборные акты от старост Кижского погоста поступили в избу лишь 8 и 10 января 1683 г. [1: 57; 5: 55]. Их подали Моисей Яковлев и Ануфрий Мелентьев, избранные в Великогубском конце. Они получили свои должности на сходах, проведенных в августе. Таким образом, прошло пять месяцев, в течение которых они игнорировали призывы глав региональной администрации подтвердить избрание документально и получить указы от агентов государственной власти. Относительно сроков прибытия в Олонец ещё двух старост Кижского конца: Савы Артемьева и Михайлы Федорова сведений не сохранилось. Известно лишь, что они были в числе тех лиц, об обязательстве которых явиться в город, И. Германов взял с местных жителей поручную запись в ходе третьего напоминающего требования: в декабре 1682 г. [15; 16]. Выборные акты, данные двум названным старостам на сходах, отсутствуют в составе фонда Олонецкой воеводской избы.

В целом возможности воевод при реализации ими своих полномочий остаются весьма спорными. Администрация не могла получить актов об избрании старост в указанный срок и не могла обеспечить передачу новым земским властям наказов, то есть подтвердить их права. Можно предположить, что время, определенное для приезда в Олонец, по каким-то причинам не подходило старостам и они, не боясь строгого взыскания, уклонялись от исполнения повелений, вписанных в наказные памяти. Вероятно, земские главы ожидали завершения сезонных сельскохозяйственных работ, а также не спешили отправляться в Олонец до зимнего пути. Не исключено, что ключевое значение имели колоссальные расстояния от центров погостов и волостей до города (порой до 500 верст). Поездка, скорее всего, воспринималась ими как исключительно обременительное обязательство.

Порядок проведения выборов в Лопских погостах в 1686 г.

Описанные выше события смены земских глав в Кижском погосте едва ли можно назвать чрезвычайными. Среди документов, отложившихся в собрании приказной избы, находятся десятки актов с отказами старост явиться в Олонец. Как и в приведенном выше случае, отправка подьячих и стрельцов в погосты становилась традиционным ответом властей на непослушание земских глав. Проблемы в установлении контактов между государственными и выборными агентами не могли быть легко разрешены в условиях экстремальной удаленности погостов от уездного центра. В первую очередь это относилось к сохранению контроля за происходившим в Лопских погостах, расположенных вблизи границы со Швецией и находившихся в нескольких днях пути от Олонца. Кажется, что ситуация оставалась неизменно конфликтной на протяжении всех лет существования института власти олонецкого воеводы и проявлялась во многих сферах взаимоотношений центра и погостов. Всю сложность ситуации с выборами старост исключительно ярко описал воевода стольник Никита Данилович Глебов.

Н. Глебов направил в Лопские погосты наказную память на имя местных старост 17 июля 1686 г. [11]. Он призвал их созвать крестьян на очередной сход и провести выборы, подчеркнув при этом осведомленность о бедах, которые вынуждены были претерпевать жители погостов. Н. Глебов прямо указал, что на протяжении последних лет к ним посылались подьячие и стрельцы для избрания и высылки старост в Олонец. Прибыв в погосты, эти люди избивали старост, требовали немедленного созыва схода, запирали прибывших на собрание крестьян (видимо, в церковной трапезной), заставляли выбрать старосту и, наконец, настаивали на избрании собственных кандидатов. Как следует из текста памяти, богатые жители Лопских погостов подкупали приезжавших из Олонца *начальных людей* с тем, чтобы они помогли в избрании определенных лиц и противодействовали свободному волеизъявлению крестьян. Более того, воевода обвинял подьячих и стрельцов, а также состоятельных и влиятельных жителей погостов в составлении подложных актов об избрании, включавших имена не присутствовавших на сходах лиц. В завершение обвинений, которые Н. Глебов выдвигал против людей, в прошлом причастных к проведению выборов, было и такое — старосты, получившие должность путем подкупа, давления на избирателей и подлога, нарушали правила справедливой раскладки и сбора податей. Результатом этого становилось освобождение от уплаты налогов одних членов местного сообщества и погашение образовавшихся недоимок за счет других крестьян.

В наказной памяти об этом написано следующее: «А ведомо учинилось на Олонце в приказной избе стольнику и воеводе Никите Даниловичю Глебову, что посыльщики в прошлых годах, приехав в погосты в пашенное время, для збору крестьян бьют старост на правеже и от того емлют себе посулы и поминки большие. И как крестьяне зберутца, и оне, посыльщики, тех крестьян забрав и держат <...> многое время и по воли им старост выбрать не дают, а велят им выбрать и выборы писать принуждают на тех, которые им, посыльщиком, от того дают посулы и поминки, чтоб их в старосты велели выбрать. И ставят тех накупных старост, стакався з богатыми людьми и з горланы по родству, и по дружбе, и по совету таких же горланов и бражников без ведома середних и молотчих людей. И выборы пишут многих людей за очи и подставою. И от того те богатые люди и горланы емлют себе с тех старост почесть питьем и деньгами, и отписи в тягле наперед года безденежно. А после те все росходы они, старосты, с советники своими розкладывают и збирают с молотчих и з бедных людей» [11: 374—375]. Следовательно, олонецкий воевода Н. Глебов был уверен в том, что присутствие *начальных людей* на выборах старост наносит непоправимый ущерб интересам местных жителей, которые в силу этого обстоятельства оказываются лишены возможности свободного волеизъявления и равноправного участия богатых и бедных крестьян в принятии решения.

Объявляя о необходимости провести новые выборы, глава олонецкой администрации настаивал на организации их силами представителей локального сообщества. В наказной памяти последнее обстоятельство было подчеркнуто особо: «<...> чтоб для того от посыльщиков мирским людям и вам шкоты, и обид, и лишних убытков не было, и как к вам ся память придет, и вам бы в погостех, коемуждо в своих староценьях, собрать лутчих, и середних, и молотчих всех мирских людей и велеть им при себе выбрать в старосты ко 195-му году людей добрых, душею прямых и животом прожиточных <...>» [11: 371]. Тем не менее после описания формальностей процедуры избрания старост, Н. Глебов счел необходимым напомнить о наказании, которое ждет тех, кто нарушит установленный порядок смены земской власти. При этом воевода, как будто припоминая весь предыдущий опыт взаимодействия со старостами и жителями погостов, использовал традиционные для его предшественников угрозы. В случае несоблюдения правил Н. Глебов обещал направить в погосты

стрелецких сотников и подьячих приказной избы в сопровождении десятков стрельцов, арестовать старост, заковать их в цепи, доставить в Олонец и взыскать с них лично накопившиеся при уплате податей долги за всех крестьян погостов: «<...> и по указу великих государей посланы по вас и по новых старост будут по-прежнему начальные люди, и сотники стрелецкие, и подьячие со многими стрельцами из езду вскоре, и велят вас и новых старост взять на Олонец скованных, и на Олонце за ваше ослушанье, а новым старостам за мотчанье учинено будет жестокое наказанье без пощады и доимочные государские доходы доправлены будут на вас мимо крестьян сполна без доимки вскоре безо всякого мотчанья» [11: 373].

Проанализированная наказная память воеводы Н. Глебова позволяет понять многое в отношениях между институтами государственной власти и институтами земского самоуправления. Олонецкая администрация испытывала очевидные сложности при попытках повлиять на образ действий жителей погостов, удаленных от уездного центра. Полагаясь на приобретенные в течение долгих лет знания о порядке проведения выборов и исполнения старостами их обязанностей, глава региональной власти был уверен в необходимости оказания давления на отдельных представителей крестьянского сообщества, а также на все население погоста путем угроз. При этом одним из важных инструментов воздействия являлось обещание выслать в погосты *начальных людей*, содержание которых во время их пребывания (*лишние харчи*) ложилось тяжким грузом на плечи сельских обывателей и расценивалось как форма наказания. Другой способ воздействия, который должен был оказать влияние на самих старост, заключался в угрозе взыскания с каждого из них лично всех накопившихся мирских долгов (*недоимок*).

Характер власти олонецкого воеводы во многом предопределил способ ведения дел в регионе и образ взаимоотношений с жителями уезда. Его ведущей функцией являлась фискальная. Воевода отвечал за бесперебойное поступление податей в казну. Однако в действительности он мог контролировать лишь завершающий этап выплаты налогов, когда лица, избранные крестьянским сообществом для внесения денег и хлеба в казну, появлялись в Олонце. Все, что предшествовало этому — раскладка податей по дворам, сбор денег и хлеба, выдача отписок о выплаченных налогах, — входило в сферу компетенции старосты. Следовательно, воевода как никто другой был заинтересован в существовании самого института крестьянских старост и корректном исполнении ими своих обязанностей. Поэтому контроль над регулярной сменой глав земской власти и исполнением всех формальностей при проведении выборов стали объектом постоянной заботы и хлопот воеводы.

Уплата государственных податей как погашение долга

Все выше приведенные факты не дают оснований сделать заключение об отсутствии заинтересованности крестьянского сообщества в существовании институтов земского самоуправления. Напротив, староста в изучаемый период оставался главным действующим лицом в исполнении важнейшего обязательства крестьян — выплате податей. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не столько о роли старосты как выборного агента, организатора сбора денег с дворовладельцев, сколько о человеке, который должен был погасить долг общины перед государством и взять на себя все переговоры с властями по фискальным вопросам.

Дело в том, что механизм взимания налогов, действовавший в Российском государстве того времени, предполагал единовременное внесение в казну крупной суммы. Налог может быть классифицирован как возвращение долга, тогда как нарушение сроков его погашения и выплата не в полном объеме — как преступление, достойное самого жестокого наказания. При этом вся ответственность за нарушение порядка выплаты податей возлагалась на старост.

Более того, именно в обязанности старосты входил поиск источников для получения необходимых средств, которые покрыли бы разницу между требуемой суммой податей и деньгами, собранными с жителей волости. Это мог быть заём, сделанный самим старостой под крепость, данную им на себя. Это также могло быть отыскание человека, готового внести средства вместо крестьянской общины под письменные обязательства о компенсации его расходов. Однако староста в любом случае оказывался в позиции должника, которому местные власти или частные лица могли выдвинуть и нередко выдвигали денежные требования.

Выплаты становились персональной ответственностью старосты вместо того, чтобы оставаться ответственностью всей общины. Безусловно, у него сохранялась возможность обращения к воеводе с жалобой на волостных жителей, уклонившихся от внесения податей, или с просьбой о компенсации понесенных им лично расходов из средств крестьян. Однако у обитателей карельских деревень, отдаленных от центров власти, по-видимому, сохранялась уверенность, что вопросы их личного долга старосте будут решаться на локальном уровне (в отдельных поселениях). В том же случае если дело дойдет до вмешательства воеводы, у представителей общины останется возможность подать встречный иск против старосты о его финансовых нарушениях, злоупотреблении полномочиями и клевете. Таким образом, в избрании старосты оказывались заинтересованы не только местные власти, которые должны были обеспечить поступление налогов в казну, но и крестьянское сообщество, стремившееся передать ответственность за выплату долга конкретному лицу.

Особенности оформления актов об избрании земских глав

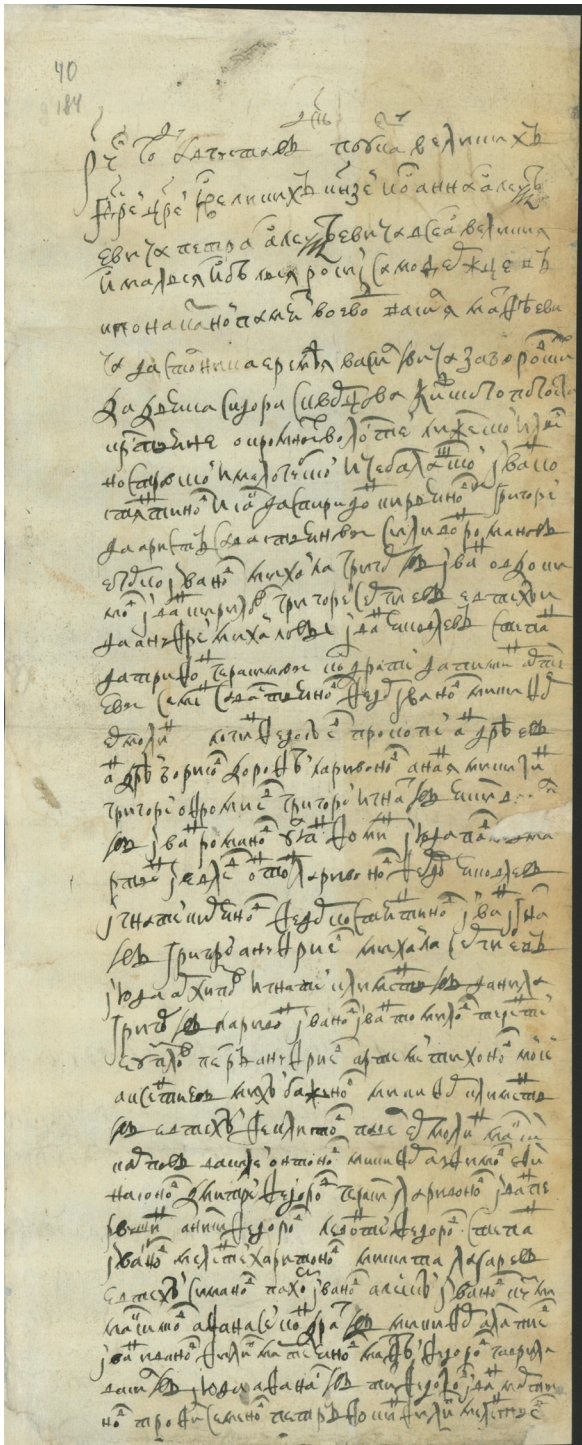
Остается неясным насколько активно крестьяне погостов Олонецкого уезда принимали участие в выборах старост и насколько широким представительством на выборных сходах располагали жители деревень и волостей. Ответ на поставленные вопросы можно получить путем исследования выборных актов и сопоставления полученной информации с данными массовых источников о населении уезда. Однако, нельзя не отметить, что изучение крупных погостов, например, Кижского, в котором по переписи 1678 г. насчитывалось 1197 дворов [14: 394], сопряжено с определенными сложностями. В *выборы* никогда не вносились сведения о местах проживания крестьян — участников схода. Лишь в самом начале текста после даты и пояснения, на основании чьего распоряжения организован сход, помещались данные о том, жители каких волостей и в каком погосте избирали старосту. Далее шёл перечень имён, включавший несколько десятков и даже больше сотни позиций.

Так, в случае с *выбором* 1682 г., который был дан крестьянами четырёх волостей Кижского погоста старосте Архипу Андрееву, список состоял из 104 имен. Все они записаны друг за другом без пояснений о местах проживания крестьян: «<...> *Кижского погоста крестьяне окромных волостей — Лижемской, и Лычнострвской, и Мелогубской, и Чебалашской — Иван Костянтинов* (здесь и далее выделение — М. П.), *Исак да Спиридон Кирьяновы, Григорей да Арист Савастьяновы, Силивон Романов, Егорко Иванов, Михайла Григорьев, Иван Овдокимов, <...>, Венедей Филипов, Степан да Микифор Микитины, Панкратей Ефимов, Григорей Федоров, Алексей Ларивонов, Павел Мартемьянов с суседы тех волостей выбрали есми мы, излюбили себе старостою того ж погосту Мелогубской выставки Архипа Андреева <...>*» [3: 40]. При таком порядке фиксации участников схода, а также схожести имен, их идентификация с лицами, записанными в переписной книге, затруднена.

Для отождествления имен особое значение имеют рукоприкладства священнослужителей и самих крестьян, помещенные на оборотной стороне выборных актов. Удостоверяющие подлинность документа подписи содержат необходимую информацию о месте проживания

того или иного лица. Например, об упомянутом в приведенной цитате Иване Константинове становится известно, что он происходил из Мелогубской выставки Великогубского конца Кижского погоста. Вместо него и других жителей названной выставки документ подписал местный священник: «К сему выбору Кижского погоста Великогубского конца Мелогубской выставки преображенско[й] поп Еремей Корнильев вместо крестьян и детей своих духовных и в прихожан место Ивана Костентинова с товарищи по их веленью руку приложил» [3: 40 об.]. Как правило, такие записи содержат одно, два или три имени. Однако они предоставляют исключительную возможность для верификации правильности соотнесения имен в выборах с именами в переписной книге.

Другой особенностью в оформлении выборных актов является группировка имён участников схода. Согласно наблюдениям, сделанным в ходе работы с олонецкими актами, в абсолютном большинстве случаев крестьяне записаны группами, состоявшими из жителей одной и той же деревни. Эта особенность прослеживается от начала до конца документа, хотя единичные отклонения от избранного способа перечисления крестьян возможны. В упомянутом выборе 1682 г., данном жителями четырёх волостей Кижского погоста, вслед за именем Ивана Константинова из деревни на Викшеозере Гора Мелогубской выставки идут имена десяти других жителей той же деревни. Далее в акте помещены имена шести крестьян из деревни на Викшеозере на Наволоке, а следом — имена трёх человек, проживавших в малонаселенной деревне в Лис наволоке в Конце [3: 40; 14: 385 об. — 387 об.]. Лишь в случаях с тремя деревнями из 20 крестьяне оказались записаны двумя группами. Таким образом, становится возможным вполне уверенное соотнесение лиц, указанных в выборном акте, с теми, что поименованы в переписной книге.

лютом большинстве случаев крестьяне записаны группами, состоявшими из жителей одной и той же деревни. Эта особенность прослеживается от начала до конца документа, хотя единичные отклонения от избранного способа перечисления крестьян возможны. В упомянутом выборе 1682 г., данном жителями четырёх волостей Кижского погоста, вслед за именем Ивана Константинова из деревни на Викшеозере Гора Мелогубской выставки идут имена десяти других жителей той же деревни. Далее в акте помещены имена шести крестьян из деревни на Викшеозере на Наволоке, а следом — имена трёх человек, проживавших в малонаселенной деревне в Лис наволоке в Конце [3: 40; 14: 385 об. — 387 об.]. Лишь в случаях с тремя деревнями из 20 крестьяне оказались записаны двумя группами. Таким образом, становится возможным вполне уверенное соотнесение лиц, указанных в выборном акте, с теми, что поименованы в переписной книге.

Участие представителей локального сообщества Кижского погоста в выборных сходах 1682 г. и 1683 г.

Для того, чтобы определить степень вовлеченности жителей погостов Олонецкого уезда в выборы старост, были изучены материалы середины 1680-х гг. и данные переписной книги 1678 г. по Кижскому погосту. Всего перепись 1678 г. установила наличие 8561 двора крестьян

Выбор крестьянина Мелогубской выставки Кижского погоста Архипа Андреева в старосты на 1682/1683 г. крестьянами Лижемской, Лычноостровской, Мелогубской, Чебалакской волостей Кижского погоста [3: 40]

и бобылей в Заонежских погостах Олонецкого уезда [21: 101]. Из этого числа 1197 дворов находилось в Кижском погосте. И если материал по иным погостам может быть представлен двумя или тремя актами, то в случае с Кижским погостом сохранилось 22 акта за 1682—1685 гг. В эти годы четырежды происходила смена глав земской власти. И о каждой из них сохранились документы. Дошедший до нас комплекс, вероятно, не полон. Так, среди материалов за 1682/1683 г. не удалось отыскать двух *выборов* старост Кижского конца. Неполнота комплекса может быть связана как с неисполнением земскими главами своих обязательств перед региональными властями, так и с утратой документов в канцелярии олонечских воевод. Выявленные лакуны в отдельных случаях ограничивают возможности исследования активности крестьян при проведении выборов. Тем не менее по нескольким волостям Кижского погоста сохранились акты подряд за несколько лет, что открывает возможность их сопоставления.

В ходе исследования с целью выяснения числа участников сходов от каждого населенного пункта были проанализированы пять выборных актов за 1682 г. [1; 3; 4; 5; 6]. Согласно данным переписной книги 1678 г., в 165 деревнях Кижского погоста было расположено 1136 крестьянских и 58 бобыльских дворов, а также три двора вдовьих [14: 394]. Те крестьяне, чьи имена оказались возможным отождествить со сведениями о них же в переписной книге, происходили из 86 деревень Кижского погоста. Таким образом, об участии в выборах 1682 г. жителей 79 деревень погоста нет никаких сведений. Часть из них упомянуты в пяти исследуемых актах, но остаются в числе лиц, чье место проживания не выяснено. Другие происходили из тех деревень, что относились к Кижскому концу, в котором в 1682 г. были избраны трое старост, но об избрании лишь одного из них сохранился *выбор*.

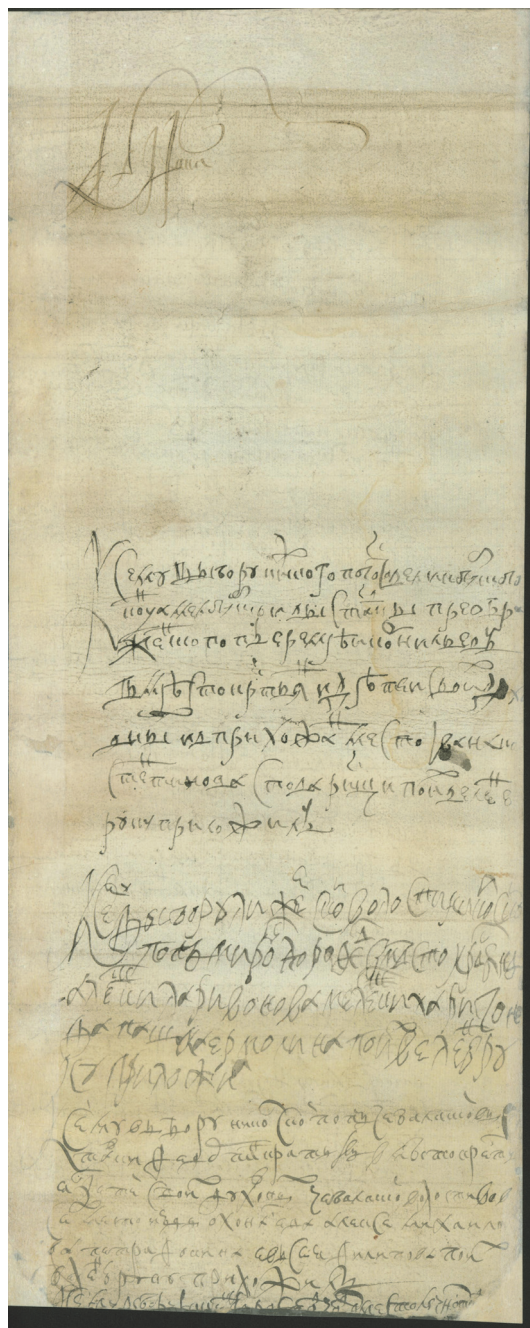
В пяти актах 1682 г. записаны имена 449 крестьян. Из них с переписной книгой не удалось соотнести имена 122 человек. Максимальное число не идентифицированных имен встретилось в документах, фиксирующих участников больших волостных сходов, объединявших более сотни крестьян. Так, если при изучении *выбора* старосты Сунской, Кодоостровской, Суйсарской и Кондопожской волостей из 54 имен, названных в акте, не найдено соответствий в семи случаях [6], то из 108 имен, указанных в *выборе* старосты Кижского конца, остались неотожествленными 33 имени [4].

В целом в ходе исследования были установлены места проживания 327 человек названных в актах 1682 г. — 86 деревень. За единичными исключениями лица, принимавшие участие в сходе, являлись представителями крестьянских дворов. Удалось выявить лишь три случая, когда в выборах принимали участие владельцы бобыльских дворов, то есть обедневшие крестьяне, платившие меньше податей, чем владельцы крестьянских хозяйств. В названных 86 деревнях соотношение крестьянских и бобыльских дворов было следующим: 712 и 36. Следовательно, если в случае с крестьянскими дворами каждый второй двор имел своего представителя на собрании, то бобыльские хозяйства имели ограниченное число участников, лишь каждый 12 владелец бобыльского двора избирал старосту.

Данное наблюдение согласуется с выводами М. М. Богословского о праве на участие в деревенских выборах. Согласно его заключениям, этим правом обладали только те представители локального сообщества, кто владел землей в пределах данной волости [20: 218]. В это число не попадали бобыли, среди которых, по мнению М. М. Богословского, владение пашней было редким явлением. По этой причине лишь те немногие бобыли, которые имели землю и могли быть приравнены к крестьянам, могли присутствовать на сходе в роли выборщиков [20: 218].

Среди 327 человек абсолютное большинство известны по переписной книге 1678 г. как главы дворов. И лишь в пятой части всех случаев выявлено несовпадение факта участия в сходе и статуса дворовладельца. Как правило, если на собрании не мог быть глава двора, его заменял старший сын или родной брат. Кроме того, в нескольких эпизодах в процедуре выборов участвовали племянники, зятья и пасынки дворовладельцев. Безусловно, к 1682 г. эти люди могли стать старшими в семьях вследствие смерти их прежних глав. Однако, по-видимому, не во всех эпизодах смена дворовладельцев действительно произошла. Скорее всего, многие из прибывших на сход лиц были уполномочены представлять двор, отнюдь не имея статуса главы семьи. Выявлено пять примеров участия в собрании захребетников и подсоседников. Причем наличие в этих пяти случаях у глав семей нескольких взрослых сыновей, что выясняется по данным переписи 1678 г., исключает возможность наследования захребетниками и подсоседниками всего хозяйства.

В отдельных эпизодах можно уверенно утверждать, что статус дворовладельца не являлся обязательным условием присутствия на сходе. Вероятно, что большее значение имело участие в выборах представителя от семьи, а не его личное социальное положение. Так, в переписной книге 1678 г. среди жителей деревни на Викшеозере Гора Мелогубской выставки названа семья Кирьяновых со следующей информацией: «Во дворе Якимко, Спирка Кирьяновы, у Якимки дети Гришка, Илюшко, Дмитрейко десяти лет» [14: 386]. Владельцем двора являлся Якимко Кирьянов, у которого было двое взрослых сыновей, а также брат Спирка, ещё не имевший своей семьи. Именно он, Спиридон Кирьянов, в числе других 11 крестьян названной деревни принял участие в волостном сходе в августе 1682 г. [3: 40]. Прошло четыре года со времени составления переписной книги, и Спиридон мог стать главой двора вместо умершего старшего брата и на этом основании принимать решение об избрании старосты. Но это было не так. Якимко Кирьянов оставался старшим в семье по крайней мере до конца 1683 г. Его имя и данные им свидетельские показания содержатся в одном из актов из канцелярии олонецких воевод. В деле о хищениях и злоупотреблениях, в которых подозревали старосту Васку Андреева сына Плечова, Якимко Кирьянов и его сын Гришка фигурируют как лица, опрошенные для установления вины земского главы. Обыскные речи Кирьяновых были записаны 30 декабря 1683 г. [12]. Таким обра-

Выбор крестьянина Мелогубской выставки Кижского погоста Архипа Андреева в старосты на 1682/1683 г. крестьянами Лижемской, Лычноостровской, Мелогубской, Чебалакской волостей Кижского погоста [3: 40 об.]

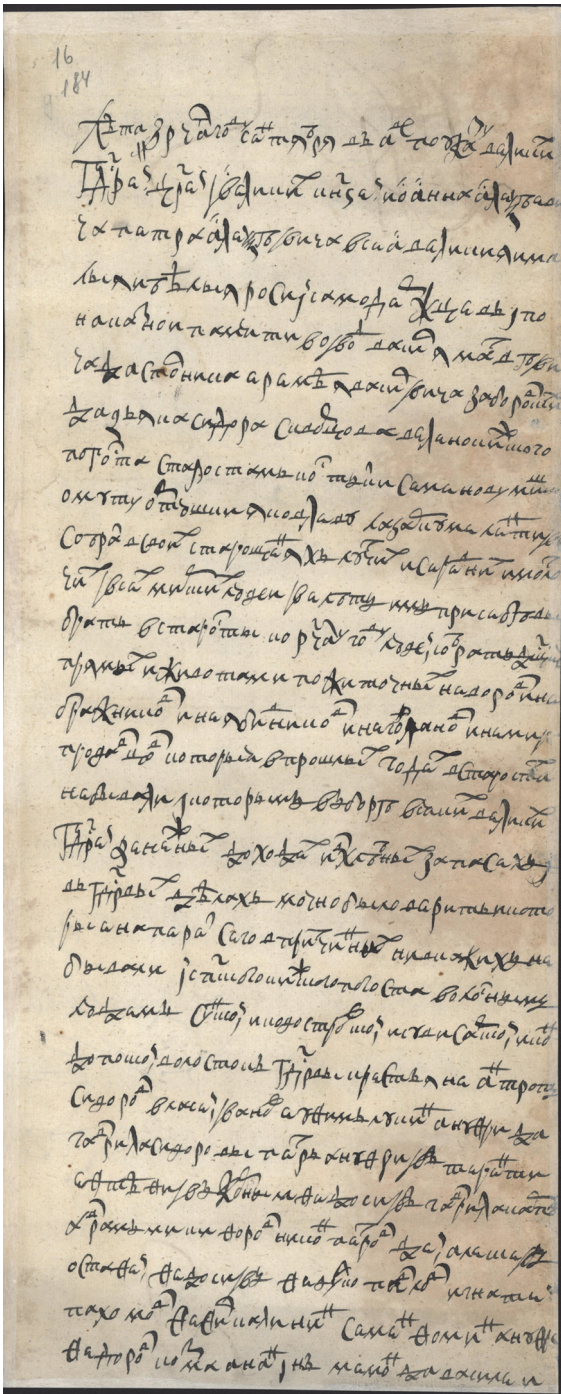
зом, направление Спиридона Кирьянова на выборный сход 1682 г. следует считать решением, принятым семьей. Оно должно было обеспечить присутствие одного из её членов в собрании выборщиков с фиксацией его имени в акте.

Хотя подсчёты по общему числу участников пяти выборных сходов 1682 г. показали, что каждый второй двор направил на сход своего представителя, эти результаты не могут быть распространены пропорционально на жителей всех деревень Кижского погоста. Так, в случае с избранием старосты Антипа Иванова в Сунской, Кодоостровской, Суйсарской и Кондопожской волостях от каждого населенного пункта (всего восемь деревень) участвовало больше половины дворовладельцев [6]. Например, от 12 дворохозяйств деревни на Сувисери, что был починок Иванка Клементьева, на сход прибыло восемь человек [6; 14: 356 об. — 357]. А 16 дворов деревни в Сувисари острове у Онежского озера представляло девять крестьян [6; 14: 357 об. — 358]. Согласно сделанным подсчетам, в восьми деревнях названных

волостей переписчики зафиксировали 78 крестьянских дворов. Сход 1682 г. объединил 54 человека, о местах проживания 47 из которых удалось получить сведения. Следовательно, в случае с жителями Сунской, Кодоостровской, Суйсарской и Кондопожской волостей на выборном сходе присутствовало две трети от общего числа дворовладельцев. Возможно, активность их жителей объясняется именно малым числом населенных пунктов, от которых происходило избрание старосты.

Собрание крестьян из деревень Кижского конца выглядит иным образом. Известно, что на сход явилось 108 человек. Имена большей части из них удалось соотнести с данными переписной книги и установить места проживания 74 человек [4]. Они происходили из 29 деревень, расположенных на Кижском острове и в Типилицкой выставке. В отдельных случаях активность жителей Кижского конца ничуть не уступала заинтересованности в выборах жителей четырех волостей. Но нередко число крестьян, явившихся на сход, серьезно меньше, чем число дворовладельцев. Из расположенной на Кижском острове деревни Большой двор Левонская, в которой насчитывалось восемь крестьянских хозяйств, прибыло два человека [4; 14: 331 об. — 332]. Из там же расположенной деревни У погоста Окуловской приехал один крестьянин от пяти дворов [4; 14: 330 — 330

Выбор крестьянина Сунской волости Кижского погоста Антипы Иванова в старосты на 1682/1683 г. государственными крестьянами Сунской, Кодоостровской, Суйсарской, Кондопожской волостей и волосток того же погоста [6: 16].

об.]. То же было и в случае с деревней Марковской [4; 14: 330 об.]. В целом из 179 крестьянских дворов 29 деревень на сходе присутствовало 74 человека, то есть значительно меньше половины дворовладельцев проявили личный интерес к избранию старосты. Не исключено, что, зная об обширности земель, включенных в старощенье, жители деревень отправляли на сход одного или двух представителей.

Кажется, вопрос об участии решался на уровне конкретного поселения. По всей видимости, местные жители были независимы от внешних обстоятельств при определении тех лиц, которые должны были выступить от имени деревенской общины на собрании. Для того, чтобы определить круг людей, побывавших на сходах, состоявшихся в разные годы, был проведен сравнительный анализ материалов по выборам 1682 и 1683 гг., прошедшим в Сунской, Кодоостровской, Суйсарской, Кондопожской и других волостях [6; 7]. Важно подчеркнуть, что в нарушение действовавшего запрета на избрание того же человека, который исполнял обязанности старосты в предшествующий период, на сходе 1683 г. старостой вновь стал Антип Иванов. В этот раз круг его избирателей оказался шире. В 1683 г. помимо жителей четырех поименованных волостей на сход прибыли представители *окромных волостей* — Лижемской, Лычноостровской и Чебалакской [7].

В целом выборные сходы этого года создали новые объединения жителей, совершенно несхожие со структурами прошлого года. Следовательно, по итогам собрания волостных жителей должны были измениться границы старощений. Если в 1682 г. крестьяне Лижемской, Лычноостровской, Мелогубской и Чебалакской волостей все вместе избрали старостой Архипа Андреева, то в 1683 г. сообщество разделилось на три группы, каждая из которых выбрала своего земского главу [2; 7; 8]. Одну из таких групп составили жители *окромных волостей*, присоединившиеся к сходу крестьян Сунской, Кодоостровской, Суйсарской и Кондопожской волостей и наделившие А. Иванова полномочиями старосты на новый срок.

И если на предыдущем собрании 1682 г., где избрали А. Иванова, присутствовало 54 человека, то в 1683 г. на сходе было 115 человек [7]. Из их числа имена 85 человек отождествлены. Меньше половины участников — 41 человек — участвовали в избрании старост в предыдущем 1682 г. Более того, не выявлено ни одного случая, когда бы от населенного пункта присутствовали только те люди, кто был на выборах прошлого года. Собранные данные в полной мере подтверждают правоту М. М. Богословского, который провел сравнительный анализ по Устьянским волостям и Сольвычегодскому уезду [20: 209—216] и пришел к выводу о переменчивости состава выборных сходов. По мнению исследователя, избиратели каждый год менялись, в их число входили новые люди, заменяя прежних участников [20: 216]. Именно таким представляется порядок проведения выборов и в Сунской, Кодоостровской, Суйсарской и Кондопожской и *окромных волостях* Кижского погоста в 1682—1683 гг.

Выводы

В эпоху становления Российского централизованного государства по всей стране была создана единая сеть местных учреждений. В Олонецком уезде средоточием региональной власти стал город Олонец, где постоянно находился воевода и приданный ему в помощь бюрократический аппарат — дьяк и подьячие. В погостах и волостях представители власти царя при исполнении фискальных и судебных функций опирались на земских глав. В отсутствие развитой структуры органов управления волостные старосты оказались наделены обязанностями проправительственного характера, став ответственными за сбор податей, вершение суда и полицейский надзор. Однако играя роль чиновников низшего звена, они оставались органами выборной власти, ежегодно сменяемой. Последнее являлось важным

условием для осуществления контроля над их деятельностью со стороны воеводы. По окончании полномочий староста должен был прибыть в Олонец для отчета о собранных и выплаченных в казну податях. Проведение регулярных выборов требовало от воеводы постоянного и действенного участия. Не получив в установленный срок документов об избрании старост, он направлял в погосты *начальных людей* — подьячих и стрельцов — и велел им вместо волостных жителей созывать сход и проводить выборы. Выдвигая требования крестьянскому сообществу о неукоснительном соблюдении правил введения нового старосты в должность, воевода стремился обеспечить этим его подотчетность, прежде всего, в фискальных делах.

Жители Олонецкого уезда регулярно участвовали в избрании новых глав местного самоуправления, хотя нередко нарушали сроки, установленные воеводой для проведения выборов сходов. Каждый второй двор направлял своих представителей на волостные выборы в Кижском погосте. Как правило, в них принимали участие главы дворов. Иногда их заменяли старшие сыновья или братья. Присутствие на сходе было прерогативой крестьянских хозяйств, в то время как владельцы бобыльских дворов допускались лишь в единичных случаях. Состав избирателей менялся. Больше половины выборщиков не участвовали в выборах предшествующего года. Можно предположить, что в каждой из волостей существовали группы крестьян, которые могли влиять на выдвижение кандидатуры в старосты и определяли порядок проведения схода. Косвенно об их деятельности известно из наказной памяти воеводы Н. Глебова, обвинившего зажиточных крестьян Лопских погостов в давлении на недостаточно состоятельных членов сообщества и в нечестных поступках во время выборов. Однако выводы о том, кто входил в круг *богатых людей и горланов* и как они действовали, можно сделать лишь на основании глубокого изучения множества местных *выборов* за много лет подряд, а также с учётом сведений из иных актов, в которых нашли отражение перипетии борьбы за власть на локальном уровне.

Источники

Неопубликованные

1. Выбор крестьянина Великогубского конца Кижского погоста Ануфрия Мелентьева в старосты на 1682/1683 г. жителями того же конца, 15 августа [1682 г.] // Архив СПбИИ РАН Ф. 98 (Олонецкая приказная изба). Карт. 11. Д. 184/16. Сст. 57—58. (Рабочая опись).
2. Выбор крестьянина Великогубского конца Кижского погоста Моисея Яковлева в старосты на 1683/1684 г. жителями Никольского Лижемского, Спасского Мелогубского и Петровского Лычноостровского приходов, 8 сентября 1683 г. // Там же. Д. 184/39. Сст. 140. (Рабочая опись).
3. Выбор крестьянина Мелогубской выставки Кижского погоста Архипа Андреева в старосты на 1682/1683 г. крестьянами окромных волостей — Лижемской, Лычноостровской, Мелогубской, Чебалашской — Кижского погоста, август 1682 г. // Там же. Д. 184/12. Сст. 40, 42. (Рабочая опись).
4. Выбор крестьянина Кижского конца Кижского погоста Михия Родионова в старосты на 1682/1683 г. крестьянами того же конца, 1 сентября 1682 г. // Там же. Д. 184/3. Сст. 3, 10—12. (Рабочая опись).
5. Выбор крестьянина деревни Скондейнаволоок Великогубского конца Кижского погоста Моисея Яковлева сына в старосты на 1682/1683 г. крестьянами того же конца, август 1682 г. // Там же. Д. 184/16. Сст. 55—56. (Рабочая опись).
6. Выбор крестьянина Сунской волости Кижского погоста Антипы Иванова в старосты на 1682/1683 г. государственными крестьянами Сунской, Кодоостровской, Суйсарской, Кондопожской волостей и волосток того же погоста, 1 сентября 1682 г. // Там же. Д. 184/5. Сст. 16—17. (Рабочая опись).

7. Выбор крестьянина Сунской волости Кижского погоста Антипы Иванова в старосты на 1683/1684 г. жителями Сунской, Суйсарской, Кондопожской волосток и окромных волостей Великогубского конца того же погоста, 1 сентября 1683 г. // Там же. Д. 184/42. Сст. 144—145. (Рабочая опись).
8. Выбор крестьянина Чебалакской волости Василья Андреева в старосты на 1683/1684 г. жителями окромных волостей Кижского погоста, 1 сентября 1683 г. // Там же. Д. 184/28. Сст. 118—119. (Рабочая опись).
9. Дело о посещении олонецким стрельцом Ивашкой Германовым Заонежских погостов во исполнении повелений наказной памяти, получении за бывших старост, вновь избранных старост и посадских тех же погостов поручных записей, взятии у старост выборов, а также взятии сказок о причинах отказа посадских явиться в приказную избу, сентябрь — 12 ноября 1683 г. // Там же. Д. 184/18. Сст. 78, 80, 81, 83. (Рабочая опись).
10. Наказная память воеводы Василия Заборовского, стольника и воеводы Еремея Заборовского и дьяка Сидора Скворцова на имя подьячего Михайлы Потапова с повелением: а) посетить Шуйский, Кижский, Шунгский, Выгозерский погосты, Кузарандскую, Фоймогубскую, Тубозерскую, Сямозерскую, Святозерскую волости, Толвуйскую губу и Повенецкий рядок и провести выборы старост на 1682/1683 г.; б) выслать избранных старост в г. Олонец в приказную избу для предъявления выборов и получения наказов; в) выслать старост прошлого 1681/1682 г. года в г. Олонец в приказную избу для предъявления приходных и расходных книг и разводных памятей и выплаты недоимок в казну, 22 сентября 1682 г. // Там же. Д. 184/44. Сст. 147—152. (Рабочая опись).
11. Наказная память стольника и воеводы Никиты Глебова на имя лиц, избранных на должности старост в Лопских Линдозерском, Семчезерском, Селецком, Паданском, Ругозерском, Шуезерском, Панозерском погостах и Ундозерской четверти на 1685/1686 г.: а) с указанием на наличие у воеводы сведений о злоупотреблениях лиц, ранее присылавшихся в Лопские погосты из г. Олонца для проведения выборов, и нечестном избрании старост в этих погостах в течение нескольких лет; б) с повелением самостоятельно и в установленный срок провести выборы старост на 1686/1687 г. и избрать старост из числа лиц, ранее никогда не занимавших этой должности; в) выслать избранных старост в г. Олонец для предъявления данных им выборов; г) самим явиться в г. Олонец для предъявления приходных и расходных книг за 1685/1686 г., 17 июля 1686 г. // Там же. Д. 184/83. Сст. 369, 371—375, 378. (Рабочая опись).
12. Обыскные речи (сказка) крестьян разных деревень Великогубской выставки Великогубского конца Кижского погоста Ивашки Михайлова Третьякова, Ивашки Евдокимова и других (всего 19 имен) о злоупотреблениях и хищениях старосты того же конца Васки Плечова, 30 декабря 1683 г. // Там же. Карт. 12. Д. 56. Сст. 11—15. (Рабочая опись).
13. Отписка олонецкого стрельца Ивашки Германова стольнику и воеводе Ивану Панину и дьяку Алексею Мискову о приезде его в Шуйский погост для выборов старосты на 1682/1683 г. и избрании старостой жителя того же погоста Савы Калинина, 4 декабря 1682 г. // Там же. Карт. 11. Д. 184/19. Сст. 96. (Рабочая опись).
14. Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // РГАДА Ф. 1209 (Поместный приказ) Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 2. 427 л.
15. Поручная запись жителей Кижского конца Кижского погоста Ивана Никонова, Алексея Андреева и других, данная олонецкому стрельцу Ивану Германову, за старосту того же конца Михайла Федорова в том, что он должен явиться в г. Олонец в приказной избе для предъявления приходных и расходных книг за 1681/1682 г. и данного ему выбора на 1682/1683 г., декабрь 1682 г. // Архив СПбИИ РАН Ф. 98. Карт. 11. Д. 184/18. Сст. 80. (Рабочая опись).
16. Поручная запись жителей Кижского конца Кижского погоста ямщика Малафия Михайлова, посадского Ивана Родионова и других, данная стрельцу Ивашке Германову, за старосту того же погоста Саву Артемьева в том, что он должен явиться в г. Олонец перед стольником и воеводой Иваном Паниным и дьяком Алексеем Мисковым и предъявить данный ему выбор, 11 декабря 1682 г. // Там же. Д. 184/18. Сст. 78. (Рабочая опись).

17. Сказка, данная крестьянами Низовской Путиловской трети Олоневского погоста Ивашкой Андреевым, Левкой Семеновым и другими (всего 15 имен) стольнику и воеводе Ивану Ивановичу Панину и дьяку Алексею Мискову в приказной избе, о смерти волостного старосты Осипа Иванова сына Окулова и избрании новым старостой его брата Филипа Окулова на 1682/1683 г., 3 декабря 1682 г. // Там же. Д. 184/1. Ст. 24 а. (Рабочая опись).
18. Сказка олоневского стрельца Ивашки Германова, данная стольнику и воеводе Ивану Панину и дьяку Алексею Мискову в приказной избе: а) о получении с бывших старост и вновь избранных старост Шуйского, Кижского, Шунгского, Выгозерского погостов, Великогубского конца, Сязозерской, Святозерской, Фоймогубской, Кузарандской и Тубозерской волостей, Толвуйской губы и Повенецкого ряда поручных записей в том, что они должны явиться в г. Олонец с приходными и расходными книгами и выборами; б) о получении с посадских людей тех же погостов и волостей поручных записей и доездов в том, что они должны явиться в г. Олонец для смотра с ружьем; в) о высылке из Кузарандской волости в г. Олонец старост в сопровождении Анашки Лазарева, 12 января 1683 г. // Там же. Д. 184/18. Ст. 75. (Рабочая опись).

Опубликованные

19. Расспросные речи Дмитрия Петрова, бывшего в плену у турок, 23 октября 1682 г. // ДАИ. Т. X. № 46. С. 142—144.

Литература

20. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синодальная типография, 1909. 321 с.
21. *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. / Ирина Чернякова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с.
22. *Чернякова И. А.* Палеография: Практикум / И. А. Чернякова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. — 112 с.
23. *Швейковская Е. Н.* Выборы и выбор в северорусском мире XVII в. / Е. Н. Швейковская // Право в средневековом мире. 2008. Сб. ст. — Москва: ИВИ РАН, 2008. — С. 249—274.
24. *Швейковская Е. Н.* Государственная администрация и земские миры на Севере России: структура и взаимодействие (XVII век) / Е. Н. Швейковская // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Москва, 13—16 июня 1994 г. Ч. II. — Москва, 1994. — С. 196—206.
25. *Швейковская Е. Н.* «На том крест целую ...»: Присяга при занятии должности в России XVII в. / Е. Н. Швейковская // Право в средневековом мире. 2009. Сб. ст. Под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. — Москва: ИВИ РАН, 2009. — С. 102—114.
26. *Швейковская Е. Н.* Назначения на воеводскую службу в северорусские города в XVII в. / Е. Н. Швейковская // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время. Сб. ст. памяти академика Л. В. Черепнина. — Москва: Языки славянских культур, 2010. — С. 740—751.
27. *Швейковская Е. Н.* Самоуправление в России XVI—XVII вв. / Е. Н. Швейковская // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). — Москва, 2013. — С. 130—142.

Список сокращений

Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

ДАИ — Дополнения к актам историческим

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Maria E. Proskuryakova

Saint Petersburg Institute of History (N. P. Lihachov mansion)
of Russian Academy of Sciences,
Researcher,
PhD in History

Mechanism of electing the heads of karelian villages during the last quarter of the 17th century

Abstract: The article analyzes the interaction between state officials and peasant community in the process of electing village heads in the Olonets Uyezd during the last quarter of the 17th century. The study was mainly aimed at identifying the situations when the Olonets military commanders openly pressured local population into electing new local village heads within the established time frames and in accordance with the established procedure. Such election enforcement was the result of the expansion of state power and functions. The Tsar's officials interacted with the peasant community through village heads for the purpose of collecting taxes of performing judicial functions. Two additional aims of the research were to identify the number of people participating in the meetings of elected volost self-government representatives and to analyze the voter turnout during two election campaigns. The materials for the research were the official acts originating from the records of the Olonets Uyezd military command house, which functioned as the main local government body during the second half of the 17th century. The set of research materials included such official documents as the instructions of the Olonets military commanders and administrative acts regulating the elections. Data retrieved from the village heads election acts was compared with data from the 1678 census book.

Keywords: Russian North, Olonets Uyezd, the seventeenth century, social history, state power institutes, local self-government, village heads, peasant community, elections